

Воспоминания юности — они как вспышка молнии, сверкнуло, озарило, вот это вспомнилось хорошо, это не очень, потом опять темно, а вот новая вспышка этого невероятного искрового разряда, осветившая вот этот уголок памяти и ты вновь во власти прошедших дней юности. Так вот мы с друзьями детства отлично посидели в кафе, отметив пять лет после окончания учёбы в универе, естественно, сбрызнув нашу встречу благородными напитками, а вот когда я, придя домой, прилёг в прекрасной неге лёгкого опьянения, то тут и нахлынули воспоминания последнего лета юности.

Жили мы тогда в большом посёлке гидростроителей, родители работали на строительстве Ишимской ГЭС — целинным землям Северного Казахстана очень была нужна дешёвая электроэнергия. Наше правительство, возглавляемое Косыгиным, делая реформы, постоянно выдавало свои постановления, некоторые очень интересные, вот к окончанию школы вышло такое, в виде эксперимента — выпускники школ, удостоенные золотой или серебрянной медали, принимались в ВУЗы без экзаменов.

Для меня это было очень классно — съездив в институт нархоза и предъявив документы, я сразу получил зачисление в группу 112 «А», так что два месяца лета были в моём распоряжении. А раз ГЭС наша строилась по новым технологиям — мой папан уехал на курсы повышения тоже на два месяца, остался я без его нравочений в стиле строителя нового социалистического общества, причём развитого социализма. А тут ещё новое постановление Совета Министров — теперь два выходных у нас, суббота и воскресенье, а вот будни стали чуть длиннее. Ну что, отдохнуть, так отдохнуть — моя мамочка попросила папиного шофёра Лёню, страстного рыболова, свозить нас на какое-нибудь заповедное место. Она работала в плановом отделе и после работы у неё рябило в глазах от толп людей, документов и постоянного шума и стрёкота «Феликсов» и пишмашинки — хотелось тишины и даже умиротворения. Лёня с удовольствием согласился, ведь мамочка визировала ему путёвки, а с бензином тогда проблем не было совершенно, водители порой не знали — куда его девать при получении новой путёвки и даже сливали его на землю.

А я посоветовал Лёне — сливать не на землю, а в четыре канистры в твоём гараже, а потом продавать нашим соседям, у них «Волги» и «Москвичи», а бензин тот же, полная выгода — они будут довольны, а лишних денег не бывает. Зато будут у тебя «холостяцкие»! Он обрадовался моему совету, удивившись, какой я сообразительный и теперь я был его лучшим другом. И он сейчас с большим удовольствием отвозил нас в эти чудесные, заповедные совершенно места на Ишиме.

На Ишиме полно таких заповедных мест, многие места совершенно необжитые, одно классное место нам понравилось особенно и мы теперь по выходным ездили именно сюда. Тут небольшая лагунка на реке, вода за день нагревается, просто горячая, можно помыться с мылом, как в бане, да и купаться просто обалденно, а дальше небольшие заросли камыша и, соответственно, чудесная рыбалка, тем более, что уезжая, мы все остатки кидаем рыбам, подкармливая их до следующей рыбалки. Натянули мы общими усилиями палатку, перекусили с дороги и Лёня уехал проверять свои «морды» — здоровенные плетённые корзины, причём сплетённые таким образом, что рыба и раки легко залазили и заплывали внутрь, а вот обратно — для них было проблемой. Заодно, как я понял, он потом ночевал в

деревне у одной юной девушки, поскольку постоянно ссорился со своей женой, которая, как я понял из шушукания мамочки и тётки Нины, была недовольна размером его члена.

Тётя Нина, подвыпив, всегда смеялась — жене Лёни нужен не муж, а стоялый жеребец, а вот она сама его, этого вечно «голодного» на секс Лёню как-то «попробовала» — всё нормально. Мамуля и выдала, что и ей надо проверить слова подруги, тем более, что мой папан постоянно или на работе до ночи или в командировках. И хохочут обе нахальные подвыпившие дамочки, развращая меня и даже возбуждая своими бессовестными разговорами!

Поплескались мы в тёплой чистой воде, я поплавал вдоль берега своим любимым кролем, потом понырял, вытащив довольно много здоровенных раков, сразу брошенных в котёл. Правда, кусаются они, как дикие звери! Но большие и вкусные — класс! Тут тётя Нина и выдала спич, что им нужно научиться плавать, вон Серёга как плавает и ныряет, прямо как левиафан, а мы с тобой, Танюша, подруга моя дорогая, плавать не умеем совершенно. Вот пусть твой здоровенный уже сыночек нас, взрослых девушек, и научит. Моя мамочка потянулась, выставив свою классную грудь, сильно натянувшую её лифчик, потом как-то непонятно посмотрела на меня:

— Нина, но не Серёже же нас учить, вон мы с тобой какие девушки, я почти семьдесят килограмм вешу. Да и ты, Нинон, хоть чуть и полегче, но всё же тоже не пушинка... — Таня, ну ты и даёшь, ему же не носить нас на руках, а в воде плавать, а там легко ему будет с нами. И во-вторых, Сергей, давай без этих «тётя» и «мамуля», а просто по имени — мы сейчас как первобытные люди, вот если Лёня не приедет, то мы все тут будем жить, как в фильме «Миллион лет до нашей эры». А раз Лёня только послезавтра приедет, то ты меня поучи сейчас и зови «Нина».

Какие тогда были купальники для женщин, да и не было их почти, только в основном во французских фильмах мы их и видели. А купались мои спутницы в обычном белье, промокнув, они так светились, сильно смущая меня. Да и женское нижнее белье — полный улёт! Я мамочке часто говорил, что нечего летом одевать эти чудные рейтузы, попка твоя в них сопреет. Вот тогда Нина и пошла на своей машинке им обоим более-менее современные трусы и лифчики. Ну что, приступим к процессу обучения — Нина вошла в воду в обычном своём белье, сказав, что ночью повесит сушить, а спать будет в ночнушке.

Мамуля легла подремать в тени под навесом, а я вслед за Ниной, весь задрожав от какого-то странного предчувствия, залез в воду — точно тёплая, как парное молоко. А как нежно-волнующе, до дрожи в руках и так возбуждительно и сладко, аж томление в груди и сердце стучит вовсю — мне можно держать под животик одной рукой на поверхности воды чудесное тело молодой ещё женщины, а второй вообще под трусики, явственно ощущая её крупные половые губы. А иначе и никак нельзя — Нина почему-то сразу начинала тонуть своей круглой курносой попкой в воду, чуть не становясь вертикально. Ну раз надо — она и молчала, а я тихо балдел. А потом как-то так незаметно я подsunул левую руку с живота под небольшую грудь Нины, которая чётко ощущалась сквозь тонкую намокшую ткань её светлого лифчика, заодно стараясь незаметно помять её. Вот так я и возил Нину по поверхности воды вперёд-назад, советуя ей, как надо работать руками, было так волнительно-сладко, член стоял колом в моих «семейных» трусах, в голове чуть шумело и даже глаза закрывались — я ведь ещё был девственником. А когда Нина поняла, что я устал, она слезла с моих рук и крепко-сладко меня поцеловала в губы, благодаря на учёбу. Хорошо,

что мы стояли по горло в воде, а моя мамочка дремала в стороне — мне было немного стыдно, но как волнительно и невероятно приятно, не передать. А когда мой колом стоящий член упёрся Нине в живот со всей дури, она ахнула, а потом опять поцеловала меня.

И тут я неожиданно ощутил, что нежная ручка Нина ловко скользнула в мои трусы, а её пальчики ласкают мой окаменевший от возбуждения и прилива крови член. Все парни тогда купались в обычных трусах, типа «семейных», о купальных плавках мы узнавали из журналов мод — в наш посёлок гидростроителей завозили чудесные продукты из Болгарии, красную икру в банках из Москвы, даже исландскую селёдку, обалденно вкусную, белорусскую разваристую картошку, но вот плавок в магазинах не было.

Явно с удовольствием помяв мой член, Нина вновь охнула и прошептала мне на ухо, что меня нужно срочно «пожалеть», а то я взорвусь. И тихо захихикала, вновь поцеловав меня. Да так я точно взорвусь! Мы вышли на берег и Нина буквально потащила меня в рощицу, тихо ступая мимо дремавшей мамочки, которая ещё и положила на лицо мой носовой платок от вездесущих мушек. В рощице Нина расстелила на мягкой травке подстилку и, уложив меня спиной на неё, стянула немного с меня трусы, как я не упирался, покраснев от стыда и волнения, ну и захихикала, громко прошептав: «Стоит, как ствол зенитной пушки — прямо в зенит!» Затем она неожиданно для меня прильнула своим большегубым ротиком к горячей головке моего писюна и я буквально выпал из реальности, чуть не потеряв сознание от невиданного удовольствия. Естественно, от потрясающего возбуждения, да ещё и в этот период юношеской гиперсексуальности — я почти моментально кончил, мой член долго пульсировал, изливаясь в чудесный ротик Нины. А когда она всё проглотила, с удовольствием облизав потом свои пухлые сладкие губы, то ахнула:

— Вот это да! Ты что, целый год копил, для меня старался? А вкусная какая у тебя, чудо просто. Да у тебя, наверно, это в первый раз? Всё понятно, мой сладкий Серёженька! Обалдеть, я соблазнила девственника! А тебе понравилось или нет? Ты в раю побывал, говоришь... Я тебе ещё пообещаю много удовольствия, ты согласен? И в раю опять побываешь!

Согласен ли я? Да в любое время дня и ночи! Тогда Нина, опять облизав свои губы и вновь нежно поцеловав меня, сказала, что в следующий раз, «если что получится», кончать только в её ротик — у неё гастрит в лёгкой форме. Наша пожилая врачиха в районной больнице ей так и посоветовала, причём совершенно серьёзно — лечиться спермой, которая будет обволакивать стенки желудка и результат будет вскоре и налицо. А вот как ей это сделать? Её муж считает вариант «за щеку», как тогда называли минет — полным разворотом и категорически против, на работе с мужиками — явно нонсенс, точно разболтают, мужики болтливее баб. Был бы у неё сынок, такой как я — давно бы соблазнила и про гастрит забыла, так у неё дочка, сейчас она уехала на три месяца в детский санаторий в Евпаторию, лечить бронхит. Хорошо, что профсоюз помогал такими путёвками, да ещё и бесплатными. Затем Нина, видя, что мой «красавец», как она его называла, вновь «просыпается», провела со мной теоретическую лекцию, показав, как надо ласкать «секель», который врачиха называет по-медицински «клитор», тогда женщине будет приятно, как целовать грудь и, самое главное — практический курс! Поласкав язычком моего «красавца», она сняла свои трусы и позвала меня к себе. Весь задрожав и слегка покрывшись потом от возбуждения, я вскоре с помощью Нины чудесно устроился между её гостеприимно раздвинутых ножек, потом долго и с большим удовольствием двигался в её на удивление тугой вагине.

Нина потом пошутила — а что ты удивляешься, давно между ножек ничего хорошего и не было! Как оказалось, её муж собирается с ней разводиться и уходить к более молодой женщине, так что у неё сто лет секса не было. А вот теперь она в восторге и вот после моих долгих фрикций и поцелуев её небольшой тугой груди, она сильно забилась в оргазме, крепко зажав меня и тихо охая. Ну а кончить мне — пожалте, Сергей Иванович, в мой сладкий ротик. Я был в раю!

Когда мы вернулись и, искупавшись, да ещё и с мылом в совсем горячей воде, чтобы успешно смыть пот и наши грехи, то мамочка уже подогрела на небольшом костре захваченные из дома отбивные и картошку, мы отлично перекусили, с хрустом разгрызая отличные болгарские огурчики. У меня вообще разыгрался зверский аппетит, а дамы ещё и по рюмочке употребили. Посмотрев после обеда на наши довольные физиономии, мамуля задумчиво спросила:

— Вы там в лесочке ежевику собирали или трахались вовсю? Что-то какие-то оханья мне слышались, да у тебя, Нинон, соски аж лиффикон рвут. Да и мокрое всё бельё, просвечиваешься вся, как на рентгене. И у Серёги писюн вечно стоит, а сейчас нет. Точно трахались вы там напрополую, признавайтесь! — Татьяна, ну ты даёшь! Кто же собирает такую сладкую ягоду, как ежевика, без трахания, да и пора уже твоему здоровенному красавчику мужчиной становиться, сколько можно ему девственником быть. У тебя самой совесть есть? Давно бы парня на путь истинный наставила! И не красней и не ахай, дело-то совершенно житейское. А вот и лукошко ежевики, попробуй, сладкая, как мёд, заодно мы и собрали. А ты лучше вместо допросов иди в реку и попроси Серёжу поучить тебя, может чемпионкой станешь. И насчёт Сергея подумай, парень страдает, а ты и не чешешься...

Посмеялись подруги, мамочка задумчиво, а Нина звонко и весело, потом мамочка пошла в кустики, как она сказала — «по-маленькому», а я тихо спросил Нину, а когда я стану мужчиной, как ты сказала, что мне пора стать им, я же ведь уже... ну мне ты же уже дала, а что дальше? А она, нежно поцеловав меня, сказала хитренько, что только когда я поимею вторую женщину, понял? Тогда я стану мужчиной! Потом я понял коварную задумку Нины, а сейчас настроился на то, что может мне даст моя шикарная мамочка, вон как Нина на неё «наехала!»

— Серёженька, поучи теперь свою мамулю и будь посмелее, ты уже почти взрослый, вон вымахал какой, а мамочка тоже женщина и скучает по мужской ласке. Видишь у нас мужья какие! Раз в год нас приласкают и всё! Так что, вперёд — труба зовёт! Помнишь эту поговорку? Будь гусаром и не бойся! А вон твоя мамуля идёт, так что поплавайте. И не забудь поцеловать мамочку свою! Да и приласкать её, мамочка у тебя классная!

Я, взяв мамочку за руку, шагнул в чистую тёплую воду реки, а на самом деле — я шагнул в свою новую жизнь, в своё новое состояние, которое произошло со мной именно сегодня. А что будет ночью с нами?